

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. С. Макарычев

Гражданское общество в России:
между государством
и международным сообществом

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Makarychev.pdf>

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

А.С. Макарычев

Гражданское общество в России: между государством и международным сообществом

Введение

Основным тезисом статьи является фактический распад гражданского общества России на два больших фрагмента. Первый из них представляет собой сферу общественных отношений, патронируемых государством, второй же ориентируется на «международное общество» (если пользоваться категориями «английской школы») и находится в тесном и постоянном соприкосновении с рядом внешних субъектов. Отношения между этими двумя частями (и одновременно моделями) гражданского общества носят конкурентный и даже конфликтный характер, связанный с коллизией двух различных концептуальных подходов к процессу формирования гражданского общества: один в качестве своего основания опирается на тезис о том, что в основе социальных отношений лежат политические интересы и политическая воля правящей элиты, в то время как другой носит либеральный характер и использует такие концепты, как «комплексная взаимозависимость», «сетевая социальность»¹, «трансферт политических практик»² и пр. В настоящей статье мы сделаем попытку обозначения проблемных полей каждой из этих моделей, а также перспектив, вытекающих из этого для России.

Социальное как политическое: от Фуко до Павловского

¹ Wittel A. Towards a Network Sociality // Theory, Culture & Society.. Vol. 18 (6). Pp. 51-76.

² О трансферте (трансфере) политических практик и институтов см. тексты С.Фотиной, А.Нездюрова и А.Сунгурова в настоящем сборнике – отв. ред.

Первая концепция уходит своими корнями в положение Мишеля Фуко о том, что «теоретическое противопоставление государства и гражданского общества ... не слишком плодотворно»³. Этим тезисом французский философ деконструирует привычную бинарную оппозицию «государство – гражданское общество», находя феномен, их объединяющий – это власть, выражающаяся в политических и неполитических формах. Названный подход М.Фуко следует понимать в достаточно узком смысле, а именно как отказ видеть за парой «государство – гражданское общество» другую пару – «политическое – социальное». Своей фразой он хотел указать, что общество нельзя воспринимать как пространство, лишённое властных отношений, равно как нельзя видеть в государстве их квинтэссенцию. Другими словами, государство и гражданское общество объединяет то, что они представляют собой две различные модели отношений власти. Государство есть частный случай отношений власти, которые пронизывают собой все структуры социума.

В другом месте М.Фуко уточняет свою позицию: «отношения власти укоренены в социальной сети»⁴, то есть в том, что мы называем гражданским обществом. При этом он признаёт, что в современных обществах, как правило, все типы отношений власти так или иначе соотносятся с государством, однако «происходит это не потому, что каждый тип отношений власти является производным от государства, а скорее потому, что имеет место непрерывная этатизация отношений власти».

Фукодианские идеи находят своё логическое продолжение в других многочисленных вариантах описания общественных структур как отношений власти. Фраза Алена Бадью о том, что «любая связь предполагает (фигуру. – А.М.) мастера»⁵, должна рассматриваться именно как указание на то, что структурирование гражданского общества требует некоего жеста со стороны суверенной власти.. Именно в этом контексте, очевидно, следует понимать фразу Глеба Павловского о том, что «общество в безвластном состоянии есть хищный зверь»⁶.

Эту же логику продолжает Шанталь Муфф, утверждая, что общество (народ) «представляет собой результат политического

³ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Том 2. Москва: Праксис, 2005. С.275.

⁴ Фуко, М. Интеллектуалы и власть. Том 3. Москва: Праксис, 2006. С.186.

⁵ Badiou, A. *Metapolitics*. London & New York: Verso, 2005. P..110.

⁶ Павловский, Г. Гражданское общество – это не группа диссидентов. Политическая экспертная сеть Kreml.org, 23 июля 2004 г., <http://www.kreml.org/media/61080180>

конструирования»⁷. В другом месте она уточняет свою позицию: «социальная объективность образуется благодаря действиям власти. Это означает, что всякая социальная объективность в конечном итоге является политической»⁸.

Не эта ли логика просматривается в действиях президента В.Путина в отношении институтов гражданского общества в России? Она исходит из неизбежности формирования огромных зон властных отношений, которые одновременно входят в зону государственного патронажа и негосударственных отношений. В эту зону пересечения входят:

- Общественная палата;
- политические партии, частично финансируемые государством;
- лоббистские организации и «группы давления»;
- полунезависимые фонды;
- институт общественных приёмных.

В своём пределе данная система рассуждений перетекает в концепцию о «невозможности общества» Эрнесто Лаклау, которую опять-таки следует понимать контекстуально, а именно — как указание на неизбежный распад общественного «тела» на бесконечное множество сингулярностей, то есть частных, партикулярных процессов, которые невозможно раз и навсегда зафиксировать посредством некоего порядка, дискурсивного или институционального. Другими словами, поскольку «социальное невозможно без определённой фиксации значения, ... идеологическое должно рассматриваться в качестве неотъемлемой составляющей социального»⁹. «Невозможность общества» в этом контексте означает невозможность его автономного существования в отрыве от политики и идеологии..

Социальное как транснациональное

Вторая — и противоположная - точка зрения наиболее представлена в рамках школы транс-национализма, с точки зрения которой в контексте отношений комплексной взаимозависимости неизбежна транс-национализация огромного спектра отношений, которые традиционно принято относить к внутренним, в том числе обусловленным социальными отношениями¹⁰. Вот как об этом пишут Джозеф Най и Роберт Кеохейн:

⁷ Муфф, Ш. Карл Шмит и парадокс либеральной демократии // *Логос*, № 6 (45), 2004. С.152.

⁸ Муфф, Ш. К агонистической модели демократии // *Логос*, № 2 (42), 2004. С.193.

⁹ Лаклау, Э. Невозможность общества // *Логос*, № 4-5 (39), 2003. С..57.

¹⁰ Cooley, A. and Ron, J. The NGO Scramble // *International Security*. Vol.27, N 1, summer 2002.

«К транснациональным относятся мультинациональные предприятия, секретариаты международных профсоюзов, религиозные организации мирового масштаба, фонды с широкой географией действия... Благодаря мировой системе массовой коммуникации различные группы, принадлежащие к разным слоям общества – студенты-радикалы, военные, расовые меньшинства и др. – имеют возможность наблюдать за поведением друг друга»¹¹.

Ключевыми элементами транснационализации институтов гражданского общества можно считать:

создание «площадок» для коммуникации с ключевыми политическими игроками, что соответствует стремлению научных сообществ приобрести качества, необходимые для общественной экспертизы актуальных проблем;

разработка инструментария и методологии для решения практических проблем;

генерирование и распространение идей, их защита в ходе публичного обсуждения;

сервисные (контрактные) услуги по заказам власти или бизнеса;

увеличение роли неправительственного сектора в общественных дебатах;

выработка рекомендаций, облегчающих стабильное и устойчивое развитие общества.

Влияние международной среды на политический процесс часто анализируют с помощью распространенной в Европе концепции «политического трансферта» (*policy transfer*), который, по словам Д.Стоун, представляет собой передачу знаний о возможности использования политических, административных и организационных приемов, зародившихся в одной политической среде, в других средах¹². Объектами передачи могут быть:

идеи, касающиеся, например, представлений людей о свободе и гражданских правах, безопасности, социализации отдельных групп меньшинств, новых способов культурной самореализации граждан;

социальные, экономические и политические *практики* (например, такие модели управления, как менеджмент международных программ);

нормы, к которым можно причислить, в частности, волонтерство, меценатство, строительство цивилизованного партнерства между

¹¹ Най-мл..., Дж. и Кохэн, Р. Транснациональные отношения и мировая политика. В книге: Теория международных отношений. Хрестоматия под редакцией П.А.Цыганкова. Москва: Гардарики. С.155.

¹² Stone D. Learning Lessons, Policy Transfer and the International Diffusion of Policy Ideas // CSGR Working Paper № 69/01. Univ. of Warwick, 2001. April.

некоммерческими организациями и властью; с помощью популяризации и информационного освещения их внедряют в практику российских регионов иностранные фонды;

образовательные практики,

«*образы мира*», которые поддаются формированию через такие прямые каналы, как туризм, «народная дипломатия», побратимские отношения, участие в деятельности совместных предприятий или международных проектов, спутниковые телепрограммы, Интернет и др.

Идея «политического трансферта» предполагает допустимость и даже желательность внешнего влияния на процессы, происходящие внутри России. По словам П.Цыганкова, в ходе транзита такая передача может затрагивать как идеи (когнитивные либо нормативные), так и организации¹³. Под влиянием трансферта могут происходить:

отход от многих устаревших норм и догм, несовместимых с эффективным международным сотрудничеством (например, идеологических клише или устаревшего менеджмента);

появление нового формата «продуктов» интеллектуального труда;

возникновение новых стимулов для участников международных обменов (репутация, новые креативные возможности и др.);

появление новых правил и норм международного сотрудничества («организационный капитал» и «деловая этика»);

обострение соперничества между участниками рынка политической экспертизы за финансовые и технические ресурсы;

новые возможности для самовоспроизводства наиболее успешных практик, ставших следствием международных обменов;

расширение социальных возможностей территориальных или профессиональных сообществ;

формирование новых социальных практик;

активизация участия неправительственных организаций в решении общественно важных вопросов;

увеличение открытости административных и управленческих процессов.

Присутствие иностранных и международных организаций в регионах России принимает следующие формы:

непосредственное представительство;

грантодающая деятельность (финансирование проектов, исполнителями которых выступают региональные организации);

¹³ Цыганков П. Внешний фактор и демократический переход. (http://www.auditorium.ru/books/212/Book057_chapter30.html).

эпизодическое присутствие в российском проектом пространстве через московские структуры (Горбачев-фонд, Институт развития избирательных систем и др.). Германские партийные фонды (Фридриха Эберта, Конрада Аденауэра и др.) через свои московские офисы выделяют средства, в основном, на проведение семинаров и конференций по региональной проблематике и на публикацию их материалов;

создание в регионах организационных структур, получающих впоследствии самостоятельность и занимающихся собственной профессиональной деятельностью.

Механизм «политического трансферта» можно проследить на примере выполнения в регионах России ряда проектов антикоррупционной направленности. Этот механизм включает в себя ряд *внешних условий*. На международном уровне складывается понимание сути проблемы, ее масштабов, последствий и угроз (то есть когнитивная основа проектной деятельности). Формируются институциональная основа антикоррупционных действий (Совет Европы, Международный Валютный Фонд, Всемирный банк и др.) и материальные ресурсы, предназначенные для стимулирования проектной деятельности через грантодающие фонды.. Эти условия, вместе взятые, обеспечивают *проекцию внешней среды на внутрироссийские региональные пространства*. Внешний толчок особенно важен в тех случаях, когда внутренняя среда не обладает критическим организационным и финансовым потенциалом для структурных изменений, хотя значимость самой проблемы (будь то коррупция, экологическая безопасность или проблемы гендерного свойства) никто не оспаривает. Сам процесс проходит ряд этапов. Сначала выделяются региональные лидеры, готовые к восприятию импульса извне. Затем вокруг лидера (или лидеров) формируется сеть из партнеров, специализирующихся на той же проблематике. Следующий шаг – расширение изначального проблемного поля в процессе сетевого взаимодействия, в результате чего из одной сети обычно возникает несколько других.

При этом формируются поля взаимного пересечения различных сетей. Обмен ресурсами дает, как правило, синергетический эффект. Так, антикоррупционные сети накладываются на экспертные сообщества, занимающиеся формированием открытых областных бюджетов и внедрением в регионах практики омбудсменов (уполномоченных по правам человека). В итоге начинают складываться каналы влияния проектно-сетевых акторов на процесс принятия решений. Это может происходить в таких формах, как простое приглашение политических лидеров к дискуссии и обмену мнениями, использование «переговорных

площадок» (общественные слушания, пресс-клубы), составление меморандумов, прямо обращенных к властным органам или предвыборное консультирование.

Каковы возможные результаты «политического трансферта»? Перечислю некоторые из них:

гармонизация и сближение интересов различных акторов, в том числе путем формирования «консенсусного знания», которое разделяет подавляющее большинство элиты. Именно здесь «постепенно может выкристаллизоваться общее понимание ключевых проблем и достигнуто согласие в понимании национальных, региональных и отраслевых интересов»¹⁴;

диффузия знаний, выступающая в «кодифицированной» (публикации, конференции и пр.) и «подразумеваемой» (общие представления) формах;

распространение лучшего опыта. В английском языке эта форма близка к понятию *contagion*, означающему нейтральное, а в некоторых случаях даже непреднамеренное расширение сферы применения социальных норм и поведенческих стандартов (например, путем развития туризма, «народной дипломатии» и бизнес-контактов). Американские авторы К.Давиша и М.Тернер связывают результативность такой адаптационной модели с двумя параметрами: «социальной проницаемостью» (*permeability*) общества, то есть его контактностью, способностью к внешним коммуникациям, чувствительностью к международному окружению, и его *предрасположенностью к трансформациям* (*mutability*), то есть желанием изменить внутреннюю жизнь в соответствии с международными нормами)¹⁵.

создание более конкурентной среды – как внутри региона, так и на межрегиональном уровне;

расширение почвы для инноваций. Симптоматично, что в странах Восточной Европы, стремящихся интегрироваться в европейские структуры, процесс распространения новшеств воспринимается сквозь призму таких категорий, как *knowledge-driven economy* (экономика, ведомая знаниями), *open learning* (открытое обучение) или *learning-by-interacting* (обучение через взаимодействие). В числе важнейших условий

¹⁴ *Фабрики* по производству национального интереса. (<http://stra.teg.ru/library/1006868078>).

¹⁵ Dawisha K., Turner M. The Interaction Between Internal and External Agency in Post-Communist Transition. In: The International Dimension of Post-Communist Transitions in Russia and the New States of Eurasia.. K. Dawisha (ed.). Armonk, N.Y., L.: M.E.Sharpe, 1997. P. 403—411.

успеха инновационной деятельности специалисты называют «продвижение культуры, открытой для творчества»¹⁶.

В мире сформировалось большое количество институтов, которые функционально нацелены на обеспечение тесного взаимодействия между элементами гражданского общества и транс-национальной средой. Один из наиболее эффективных механизмов был создан структурами Дж. Сороса. Одним из примеров может служить Инициатива прозрачности в добывающей промышленности (EITI), суть которой сводится к тому, чтобы побудить гражданские общественные организации в странах, богатых минеральными и углеводородными ресурсами, при поддержке международного сообщества контролировать доходы от добычи, транспортировки и переработки этих ресурсов. В идеале задумка состояла в том, чтобы при помощи некоммерческого сектора повлиять на взаимоотношения между государством и бизнесом в сторону большей прозрачности и предсказуемости. Описывая этот процесс в категориях немецкого социолога Никласа Лумана, можно сказать, что при влиянии извне происходят «структурные сопряжения» по линиям «государство - бизнес», «государство — гражданское общество» и «бизнес — гражданское общество»¹⁷.

На примере EITI мы можем увидеть два важных обстоятельства, помогающих понять методику действий транс-национальных структур, продвигающих «повестку дня» в области прозрачности. *Во-первых*, в случаях, когда государства не могут своими силами добиться от компаний (в нашем случае — нефтяных) требуемого уровня информационной открытости, они привлекают себе в союзники НКО, склонные действовать по принципу «сетевых коалиций». Наиболее эффективной представляется своего рода «технология» создания «параллельного пространства»: наряду с нефтяным сектором в экономике существует как бы его «двойник» в сфере публичной политики, вовлекающий в свою орбиту тех, кто в той или иной степени готов участвовать в контроле над нефтяными ресурсами — будь то посредством анализа, мониторинга или политической активности.

Во-вторых, международные институты неизбежно стимулируют создание своих «филиальных структур» на местах. К примеру, под влиянием EITI (Инициативы по прозрачности в добывающей промышленности) в Казахстане возникла Коалиция «Нефтяные доходы —

¹⁶ Nauwelaers C., Reid A.. Learning Innovation Policy in a Market-based Context: Process, Issues and Challenges for EU Candidate-countries // J. of Intern. Relations and Development. Vol. 5. № 4. 2002. P. 357—359.

¹⁷ Луман, Н. Дифференциация. Москва: Логос, 2006. С.214.

под контроль общества»¹⁸; аналогичные филиалы существуют в Азербайджане, Киргизии и других странах СНГ.

Существенная проблема при транснационализации институтов гражданского общества состоит в существовании мифа о том, будто «глобалистски ориентированная общественность фактически оставила без внимания необходимость изменения существующих повседневных технологий государственного управления»¹⁹. Именно из-за этого мифа процесс интернационализации институтов гражданского общества вызывает ответную реакцию со стороны своих оппонентов:

«все крупные гранты перехвачены господами, которые умеют грамотно составлять финансовые отчёты для западных грантодателей. У них для этого сидят нанятые за немалые деньги люди и составляют по западным стандартам отчёты и новые заявки, это уже профессия. Они легко присасываются к крупным корпоративным, партийным или международным грантам – американского ли правительства, ООН или ЮНЕСКО, и образуют такой гуманитарный олигархат. Застревают сальными пробками в порах своего общества и перехватывают ресурсы»²⁰.

В другом месте тот же тот же автор уточнил свою позицию:

«гражданское общество – это пароль, по которому отдельные небольшие группы граждан получают право на явочное вторжение в сложившийся политический баланс и навязывают себя в качестве дополнительного носителя суверенитета, его «апгрейда». Гражданское общество – пароль расширения концепции суверенитета на новые области, отрицаемые в мейнстриме»²¹.

Один из авторов рассказал, как «от одного чиновника, руководящего научными исследованиями,... услышал следующее: Сорос не зря платит деньги нашим профессорам; наверное, через разные анкеты он собирает сведения о наших ученых для спецслужб... Подозрительность, связанная с плохим знанием дела, так или иначе мешает многим правильно оценить деятельность тех, кто протягивает нам руку помощи»²². Светлана Погорельская объясняет распространение подобных ложных стереотипов тем, что «страны, не имеющие подобных

¹⁸ Исабеков, М. Тезисы выступления на конференции «Инициатива прозрачности в добывающей промышленности: опыт пилотных стран», Баку, 6-8 апреля 2006 г.

¹⁹ Флямер М.Г., Максудов Р.Р. Общественная инициатива: от дружеского круга к институциональному проекту, на сайте <http://www.intellectuals.ru>

²⁰ Павловский, Г. Гражданское общество – это не группа диссидентов. Политическая экспертная сеть *Kreml.org*, 23 июля 2004 г., <http://www.kreml.org/media/61080180>

²¹ Павловский, Г. В явочном порядке. Беседа о метаморфозах гражданского общества // *Русский журнал*, 9 августа 2001 г., www.russ.ru/politics/20010809-pav..html

²² Владимирив Ю.А.. Виноват ли Джордж Сорос в утечке умов? // *Независимая газета*, 1999, 23 ноября. С. 3.

неправительственных структур... чувствуют себя не столько субъектами сотрудничества, сколько "объектами деятельности"»²³.

В результате совместного действия описанных выше двух логик можно увидеть две «зоны пересечения»:

а) между институтами гражданского общества и государством (в качестве примера можно привести ряд экспертных «площадок», так или иначе встроенных в режим функционирования политических субъектов, чаще всего — в качестве их периферийных агентов). При этом «государство якобы устраняется от ответственности за решение ... проблем, и перекладывает её, с одной стороны, на институты гражданского общества, а с другой — на «нейтральную» инстанцию — экспертов, выступающих от лица науки»²⁴.

и б) между этими институтами и международным обществом (в качестве примеров можно привести множество проектов, финансируемых иностранными спонсорами, не просто оставляет российским исполнителям большую свободу с точки зрения тематического самоопределения и технологии действия, но и прямо ориентирует их на выработку такого интеллектуального продукта, который был бы востребован преимущественно внутри региона или страны).

Именно эти две «зоны пересечения» и определяют, с нашей точки зрения, логику формирования институтов гражданского общества в России. Обе содержат в себе как возможности, так и факторы, сдерживающие динамику этих институтов.

²³ Погорельская С.В. Свободные от гнета повседневной политики. Зарубежная деятельность политических фондов Германии. (<http://www.politstudies.ru/fulltext/1999/3/16.htm>)

²⁴ Шматко, Н.А. Феномен публичной политики // *Социологические исследования*, № 7, 2001. С.106-112.